

Ёко опустила меч, который казался ей сейчас до боли тяжёлым. В глубине души она всё это время знала, что те люди, которых она звала друзьями, вовсе не были ей друзьями.

На какой-то момент времени они застряли вместе, бок о бок друг с другом, словно в клетке, но в следующем году всех их распределят в разные классы и все они забудут друг о друге, ну а после выпуска они, наверное, даже не встретятся вновь. Но даже осознавая это, Ёко не могла сдержать слёз.

Она осознавала, что эти отношения были в лучшем случае временными. И всё же, и, возможно, частично из-за этого, ей хотелось раскрыть правду. Ёко хотелось полететь обратно в класс и объяснить перед ними. Интересно, как бы они отреагировали?

Все они жили далеко отсюда, в мирной стране. Однако, все они, несомненно, полагали, что познали в своей жизни большое горе и множество лишений. Когда-то она и сама была такой.

От этой мысли Ёко стало настолько смешно, что она буквально принялась кататься по земле от смеха, держась за живот. Лёжа на земле, свернувшись клубочком, она осознала, что сейчас она была одна. Абсолютно одна, отрезанная от всего остального мира.

Когда она ругалась с родителями, ссорилась с друзьями, или просто чувствовала себя не в своей тарелке, ей казалось, что она очень одинока. Но это было простым потаканием её собственным прихотям. У неё был дом, в который она могла вернуться, люди, которые не отвернулись бы от неё при первой же возможности, которые могли бы утешить её. А когда грусть пройдёт, она вполне бы могла завести новых друзей, даже если бы её дружба была мимолётной.

В этот момент Ёко слышала голос. Она ненавидела этот голос, несмотря на то, что уже начинала привыкать к нему. Всё ещё лёжа на земле, Ёко поморщилась.

– Я же говорю тебе, ты не можешь вернуться.

– Я не хочу тебя слушать.

– Но ты не можешь перестать думать об этом, верно? Тогда подумай ещё об этом: даже если ты, предположим, вернёшься, никто не будет ждать тебя. Попросту потому, что ты человек, недостойный того, чтобы его кто-то ждал.

Появление обезьяны было каким-то образом связано с видениями, которые меч показывал ей. Стоило Ёко увидеть видение, как после него обязательно появлялась эта голубая обезьяна. Она

никогда не причиняла ей физического вреда. Она просто не говорила ничего из того, что Ёко хотела услышать, а её скрипучий голос раздражал Ёко. К тому же, Джойю никак не хотел реагировать на это существо.

– Моя мама ждёт меня!

В её памяти всплыл образ одного из прошлых видений, когда её мать гладила по голове куклу. Даже несмотря на то, что Ёко не могла называть своих друзей настоящими друзьями, она могла положиться на свою мать, на её поддержку. От внезапного всплеска тоски по дому у Ёко заныло в груди.

– Моя мама плачет из-за меня. Вот почему когда-нибудь я обязательно отправлюсь домой.

– Ну, конечно, – обезьяна расхохоталась во весь голос. – Она твоя мать, в конце концов. Для родителя всегда грустно терять ребёнка.

– Что ты имеешь в виду? – Ёко приподняла голову. Она увидела, как голова обезьяны парит перед ней на расстоянии вытянутой руки, окутанная голубоватым свечением.

– О, она грустит не потому, что ты пропала, девочка. Она грустит, потому что она потеряла ребёнка. Ни больше, ни меньше. Неужели ты не можешь понять даже этого?

Ёко словно ударили в живот. Она не могла подобрать слова, чтобы ответить.

– Если, предположим, этим ребёнком была бы не ты, а какая-нибудь белая ворона, которую в семье никто не любит, твоя мать всё равно повела бы себя также. Так уж устроены матери.

– Хватит.

– О, не смотри на меня таким злым взглядом. Я всего лишь говорю тебе правду, – обезьяна вновь расхохоталась своим режущим уши смехом. Он эхом разносился по окрестностям. – Это как с домашним животным. Ты растишь его и оно привязывается к тебе. Разве не так?

– Заткнись! – Ёко вскочила на ноги и вскинула перед собой меч.

– Ой, боюсь-боюсь, – обезьяна зашлась истерическим смехом. – Ты так скучаешь по своим родителям, верно? Даже по таким родителям, как у тебя.

– Я тебя не слушаю.

– Я понимаю, девочка. Дома всегда лучше, с домом ничего не сравнится. Не то что бы ты так

жаждала увидеть своих родителей, ты просто хочешь вернуться обратно в тёплый дом, к своим друзьям.

– Что ты пытаешься этим сказать?

– Тебя точно не волнует то, что твои родители предали тебя? – обезьяна довольно захихикала. – Ты уверена? Как по мне, так ты просто аналог домашнего питомца для них.

– В смысле?

– Ты для них что-то вроде кошки или собаки. Всё идёт хорошо, пока ты ведёшь себя спокойно и вежливо, но укусишь хозяина или погрызёшь мебель, и они побьют тебя, потому что им нужно заботиться о своей репутации. А если бы общество не защищало их, многих щенят, подобных тебе, давно придушили бы собственные родители.

– Это просто смешно.

– Разве? – обезьяна посмотрела на Ёко, широко распахнув глаза, словно дразня её. – Возможно. Родители так гордятся тем, что любят своих детей. Ой нет, прости, я выразился неправильно. То, как они прикидываются любящими родителями. Вот, чем все они гордятся больше всего.

Обезьяна воодушевлённо взвизгнула. Этот звук резанул Ёко по ушам.

– Ах, ты...

– Это же и к тебе относится, верно?

Ёко замерла с поднятым мечом.

– Прикидываться хорошей девочкой было весело, правда? Потому что так ты могла положиться на своих родителей и принимать за правду всё, что они тебе скажут, верно? Но в глубине души ты осознаёшь, что если ты не слушаешься их, тебя накажут. Так чем же ты лучше собаки, которая пытается заработать милость своего хозяина?

Ёко прикусила губу. Она никогда не боялась физического наказания. Но боязнь того, что на неё накричат, не позволят купить что-нибудь, что она хочет, перестанут с ней разговаривать или накажут как-нибудь ещё, все эти вещи сдерживали её. Так что она постоянно ориентировалась на отношение своих родителей, сама того не осознавая.

– То, что ты была хорошей девочкой – ложь. Ты вовсе не была хорошим ребёнком. Но ты боялась, что родители отвергнут тебя, так что ты стала удобным ребёнком для своих родителей. А то, что твои родители хорошие, тоже чужь собачья. Какие же хорошие родители

будут постоянно оглядываться, боясь того, что люди скажут о них у них за спиной? Думаешь, что несколько лжецов, объединённых вместе по какому-то признаку, не предадут друг друга? О, ты точно предашь своих родителей, а твои родители обязательно предадут тебя. Так устроена наша жизнь. Мы постоянно лжём друг друга, а преданный, в итоге, предаёт предателя.

- Ах ты, сукин сын!

Обезьяна весело рассмеялась.

- Ох, как ты теперь выражаешься. Да-да, я сукин сын. Но я честный сукин сын. Я никогда не лгу. В этом мире лишь я один никогда не предаю тебя. Грустно, что именно мне приходится тебе это объяснять.

- Заткнись, наконец!

- Нет, нет, домой ты не вернёшься. Лучше уж умереть. Но если тебе не хватит смелости умереть, тогда лучше найди себе смысл жизни получше, – обезьяна окинула взглядом Ёко, которая всё ещё держала перед собой меч. – Я скажу тебе ещё одну истину. У тебя нет здесь союзников. Есть только враги. Даже Кэйки твой враг. Твой живот пуст, ты хочешь жить с комфортом? Он тебе не поможет. Вместо этого, почему бы не воспользоваться этой штукой, которую ты держишь, чтобы облегчить кошельки нескольких проходящих мимо людей?

- Помолчи уже!

- Тут и там, куда не посмотри, все эти грязные людишки пытаются заработать, как могут. Добудь и ты себе немного денег. Этот путь точно ведёт к жизни получше.

Ёко взмахнула мечом в направлении хохочущей обезьяны, но перед ней уже никого не было. Лишь отзвук её смеха доносился до неё из темноты.

Ёко опустила на землю и прижала руки к лицу. Между её скрюченных, как когти, пальцев, катились слёзы.